

> БЫЛОЕ

**«Сталь»
и Сталин**

СУДБА КНИГ порой не менее драматична, чем судьбы их создателей. Так можно сказать и о творческом пути Павла Низового. Он был популярен в 20–30 годы прошлого века, обойден вниманием позже и полностью забыт сегодня.

Павел Низовой – Павел Григорьевич Тупиков – писатель родом из Кинешемского уезда Костромской губернии. Его детство прошло в крестьянской семье, где он рано стал зарабатывать на кусок хлеба. Был маляром, кровельщиком, живописцем, в юности занимался самообразованием и много скитался по Руси.

Первое крещение Низового в литературе относится к 1911 году. Его ранние рассказы – психологические зарисовки о людях обездоленных, ищущих счастья и не знающих пути к нему. В произведениях позднего периода писатель приходит к выводу, что радость жизни – в гармонии человека с природой. Начало 30-х – поздний период творчества Низового, когда он обращается к теме индустриализации Урала.

В 1930 году он побывал на Магнитке. Итогом его командировки стал роман «Сталь», опубликованный в московском издательстве в 1932 году. Через два года в столице издан его роман «Недра» о заводе-гиганте у Казачьей горы. К сожалению, он оказался прощальным. Отдельной книгой роман не вышел – был опубликован только в первых четырех номерах журнала «Новый мир» в 1934 году.

Начинающий историк и первооткрыватель Валентин Сержантов в журнале «За Магнитострой литературы» тепло отзывался об этом произведении. Член Союза писателей России, поэтесса Римма Дышаленкова вспоминает, что ценил и часто цитировал строчки Низового писателя-магнитогорца Александр Лозневой.

С приходом к власти Сталина издание книг талантливого писателя-самородка прекратилось, но он продолжал писать «в стол». Однако после его смерти в лесной избушке на Алтае, где он трудился лесником, все архивы исчезли. Есть и другая версия – писатель скончался 10 октября 1940 года в Москве.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
АНАТОЛИЙ ИОВИК

Большой Бяка> **Водная поверхность странно вспучилась, что-то противно чавкнуло...**

ПО ЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ и хотению случилось то, что случилось в этом городке? Какие высшие силы вмешались в процесс, который инициировала собственными добросовестными руками уборщица баба Шура, работница одного из «закрытых» НИИ?

В тот злосчастный день нещадно палило полуденное солнце, и бедным заложникам фундаментальной науки давно было понятно, куда потратить этот жаркий пятничный вечер – вперед, на железных своих коней, и за город, подальше от зловонной сонной реки.

Описываемые далее события как раз и получили начало с того самого момента, когда баба Шура черенком своей видавшей виды швабры нечаянно смахнула на пол подставку с кучей пробирок со стола в лаборатории генной инженерии упомянутого НИИ. Звон бьющегося стекла и последовавшее за ним шипение реактивов вызвали из уст бравой уборщицы несколько конкретных абсолютно непечальных выражений. Натянув по локоть резиновые перчатки, баба Шура принялась восстанавливать порядок, собирая осколки и отжимая с тряпки в ведро образовавшуюся на полу гремячую смесь.

Ее дальнейшая трудовая деятельность была прервана заунывным дребезжанием старенькой Nokia. Сдернув перчатку, баба Шура достала телефон из кармана халата и принялась пространно объяснять своей младшей снохе, как правильно готовить борщ. Непечальная лексика больше не проскакивала в разговоре, а лицо ее приобретало постепенно умиротворенное выражение – избранница его Коленки была ей очень по душе. Проговорив у снохи почти весь баланс и с чувством исполненного долга баба Шура вернулась было к своим обязанностям, то есть к помойному ведру, но, бросив взгляд на его содержимое, в ужасе отпрянула назад – в ведре что-то шевелилось! Придя в себя и немного успокоившись, храбрая уборщица почему-то на цыпочках подошла к злосчастному ведру и снова заглянула внутрь. Неопределенного цвета суб-

станция на его дне смачно доедала оброненную перчатку. Но вот когда на бабу Шуру из этой кошмарной массы любопытно глянул невероятного вида глаз, нервы бедной женщины не выдержали. И вместо того, чтобы опретью бежать, она, как пехотинец, закрывающий собой амбразуру, подхватила ведро и вышвырнула его из окна.

Внизу гулко загромыхало по асфальту, и что-то с разгона плюхнулось в воду.

Какие мысли роились теперь в голове нашей уборщицы – трудно сказать. Но это точно были не длинные столбцы формул тех реакций, которые волею господина Случая произошли в ее ведре. Какие чудовищные комбинации могли перевернуть наши представления об органической химии, какие невообразимые катализаторы вызвали к жизни то, что не было предусмотрено самим Господом, и что же теперь плавало в загрязненной промышленными отходами красивой некогда реке, сказать не взяла бы даже самый искушенный в этой области человек. А баба Шура тем временем преспокойно достав из подсобки новое ведро, пошла осматривать, так сказать, место происшествия. Убедившись, что никаких жутких монстров по лаборатории не ползает, она насухо протерла пол и, посчитав, что ее смена на том закончилась, ушла восвояси.

Тем временем по набережной неспешно прогуливалась молодая мамаша со своей дочкой Танечкой. Девчушка беззаботно играла небольшим веселой расцветки резиновым мячом. И тут, как в известном стихе, мячик летит в воду. Мама, не в силах помочь ревушей дочке, провожает хмурым взглядом уносимого волнами беглеца. Но вдруг водная поверхность странно вспучилась, что-то противно чавкнуло, и мячик исчез. Ошеломленная родительница явко поежилась, как от холода, и, ухватив притихшую дочь за руку, отправилась в город. Новенькая кукла Барби и порция ванильного мороженого быстро помирили маленькую Танюшу с окружающей действительностью.

Но еще более непонятное и необъяс-

нимое событие произошло на акватории той же самой реки полчаса спустя. Заядлый рыболов дядя Вася, более известный обитателям этих мест как Василий Горыныч за его пристрастие к зеленому змию, заплыл за прибрежные камыши на своей видавшей виды резиновой лодочке, рассеянно следил за подрагивающим на мелкой волне поплавком. Он уже принял на грудь из припасенного в рюкзаке шкалика порцию горячительного, но поскольку сделано это было лишь для усиления эстетического восприятия окружающего, то теперь Горыныч находился в том исключительно благодушном настроении, который это самое восприятие поднимал до высот небывалых. Душа его покойно нежилась в томной блаженной

**Не помог
смириться
с потерей
лодки и сапог
даже шкалик**

нирване, а веселый лягушечий концерт в камышах возле берега казался изумительной умиротворяющей музыкой. И тут неведь откуда взявшийся водоворот в считанные секунды затянул утлое плавсредство в жуткую воронку, а через мгновение что-то пугающе-большое выплонуло перепуганного насмерть горе-Горыныча, подбросив его метра на два над бурлящей пенящейся поверхностью реки. Очумелый рыбак, собирая остатки сил, поплыл к камышам и под их сухой треск, дрожа как осиновый лист, тягело выбрался на скользкий берег. Он ошалело пялился на притихшую водную гладь, где минуту назад ничто не предвещало такого поворота событий.

Слегка отдышавшись, Вася Горыныч достал из кармана мокрых штанов недопитый шкалик и залпом опорожнил его. Равнодушное солнышко слепило и уже начинало припекать, и Горыныч, смиряясь с потерей лодки, снастей и болотных сапог, побрел домой, оставляя на нагретом асфальте следы своих мокрых ног, обутих в ядовито-зеленые носки. Но на полпути к дому его догнал здоровенный бритоголовый детина и тут же представился:

– Афанасий Киряк, внештатный корреспондент.

Небезызвестный в городе Киряк, скандалист и графоман, считал себя лучшим в городе литератором и на беду редактора местной многотиражки стал свидетелем происшествия с

бедным Васей. Он ошарашил горе-рыбака своим напором, и тот уже не знал, как отбиться от надоедливой газетчики.

«Вот же достал этот Винни-Пух-переросток!» – злился Горыныч, но, отдавая дань его комплекции, вел себя смирно и отвечал на вопросы. Так же, примерно, всегда доставалось и редактору, который, завидев его в офисе, спешил забаррикадироваться у себя в кабинете, а при встрече на улице спешно ретировался на другую сторону, рискуя при этом попасть под ревущие, отчаянно сигналившие авто. Теперь же самоотверженный рыцарь пера предвкушал победу, и, как ни странно, заметка через два дня увидела свет под интригующим заголовком: «Большой Бяка угрожает городу!»

Так оригинально и даже с некоторым юмором решил окрестить он нападавшего на Васю Горыныча монстра. И все бы забылось-успокоилось да былем поросло, и была бы тишь да гладь, да божья благодать на реке да в городке, если бы не ватага ребятишек, будто стайка перепуганных воробьев, примчавшихся в родной двор с потрясающей вестью. Их родители стыдили своих чад за вранье, прикладывали ладони к покрытым испариной лбам в надежде списать все на нещадно палящее солнце, но пацаны упрямо твердили одно – в реке они видели нечто! К сточной заводской трубе, у которой они затеяли в этот день свои игры, вздыбив водную гладь, подплыла невообразимых размеров, точно кит, амебообразная тварь и с жадностью подставила под мутную струю безобразного вида беззубую пасть. Мальчишки стояли как вкопанные, заворуженные невиданным зрелищем. Когда же пасть наконец закрылась, а на ребятах вдруг тупо вперились жуткий глаз, их оцепенение сменилось воплями и они дружно кинулись наутек.

По городу поползли слухи, оставляя за собой шлейф шепотков и недомолвок. Невесть откуда стали появляться подробности, а к редактору многотиражки пожаловал главный в городке «по тарелочкам», научно говоря – уфолог. Внешне и жестами он чем-то походил на французского комика Фернандела. Прямо с порога он спросил:

– А как бы мне найти этого вашего Ширяка или Киряка? Ну кто там писал про Большого Бяку?

– Он такой же мой, как и ваш! – обиженно парировал редактор, и лицо его сразу приобрело страдальческое выражение.

Но, порывшись в блокноте, газетный шеф рванул оттуда листочек с координатами местного корифея пера и безразлично протянул «главному по тарелочкам». Лицо «Фернандела» расплылось в благодарной улыбке, и неутомимый исследователь очевидно и невероятного, весьма довольный собой, легкой походкой покинул редакцию.

Дело завершилось тем, что два дня над рекой барражировал вертолет да несколько любознательных «тарелочников» прилежно брали пробы воды. Шли дни, но никаких следов чудовища, прозванного Большим Бякой, обнаружено не было.

А секрет его исчезновения весьма прост – возникнув столь необычным способом, этот организм, точнее сказать – субстанция, оказалась совершенно нестабильным образованием. Проще говоря, Большого Бяку погубили его гастрономические пристрастия – будучи в восторге от всего резинового, он напрочь отказался жрать все остальное. Помыкавшись с голодухи возле сточной трубы, бедняга испустил дух и распался на составляющие, частично выпав «в осадок», а по большей части расплылся обширным маслянистым пятном по поверхности реки, чем сильно огорчил местных защитников окружающей среды. Возмущенная общественность потребовала крови, и санкции не замедлили себя ждать – завод снова оштрафовали на кругленькую сумму ☹

МИХАИЛ ШУВАЕВ
РИСУНОК > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА